

Образование, наука, культура (1945-й – март 1953 года)

Главное направление деятельности руководства страны в сфере народного образования в первые послевоенные годы заключалось в восстановлении этой важнейшей сферы социального развития. В годы войны многие здания учебных заведений и учреждений культуры использовались под госпитали и эвакуированные предприятия. Так, в Омске 12 школьных зданий были заняты под нужды военного и других ведомств. В школах заметно уменьшился контингент старшеклассников – подростки вставали к станкам.

Первые послевоенные годы в школах характеризовались обеднением учебно-материальной базы, бытовыми трудностями, которые переживало все население страны, например, на одну классную комнату приходилась всего одна сорокаваттная лампа. Не хватало учебников, школьные библиотеки не располагали необходимым количеством книг для внеклассного чтения. В средних учебных заведениях занятия шли в две-три смены; 26 школ занимались в три смены с сокращением уроков до 40 минут. А ведь государство взяло курс на всеобщее семилетнее образование.

К помощи школе в Омске в 1945 г. подключились промышленные предприятия. Завод № 735 (шинный) выдал ученикам 27-й подшефной школы 80 пар валенок, для де-

тей погибших фронтовиков – 12 комплектов одежды. Завод № 29 (им. П. И. Баранова) и кордная фабрика организовали интернаты, куда разместили 77 детей погибших родителей, обеспечив их всем необходимым, в том числе трехразовым питанием. Нуждавшимся учащимся было выдано 3 407 ордеров на одежду и обувь.

Серьезной проблемой в течение послевоенных лет был и низкий уровень квалификации педагогов. В школах работало немало учителей, не имевших даже среднего образования. Были случаи, когда одному педагогу приходилось заниматься с двумя классами. Чтобы обеспечить школы преподавателями, были открыты десятимесячные курсы по подготовке учителей для пятых-седьмых классов на 115 чел., месячные курсы по подготовке учителей начальных классов на 150 чел. Положение с кадрами постепенно улучшалось, но радикальные перемены произошли лишь в середине 1950-х гг., когда заметно выросло количество учителей, имевших полное или незаконченное высшее образование.

Многие дети, начавшие учебу в военные и предвоенные годы, получили лишь начальное образование или вообще не учились. Низкий образовательный уровень рабочих мешал научно-техническому прогрессу. Для изменения ситуации стала развиваться система обучения без отрыва

Омск и омичи после войны. Улица МОПРа (сейчас – ул. Гагарина). Из фондов МИСО

Третьеклассники школы № 19
со своей учительницей
М. И. Сизовой. 1951.

Из личного архива С. Г. Сизова.
После окончания историко-филологического факультета пединститута Мария Ивановна более 40 лет преподавала историю в школах города

от производства: повсеместно создавались школы рабочей молодежи (ШРМ). Лозунги времени – «Каждому молодому рабочему среднее образование», «Днем работать – вечером учиться», «Стране нужны грамотные люди».

В 1945/1946 учебном году только четыре омские ШРМ имели свои помещения, остальные занимались в третьей, иногда в четвертую смены в школах всеобуча или в абсолютно непригодных помещениях – заводских конторах и даже подвалах. Нехватка зданий сдерживала развитие сети вечерних школ.

Школы рабочей молодежи испытывали острый недостаток топлива, поэтому от десяти дней до месяца не работали, были исключительно плохо обеспечены учебниками. В среднем на каждый класс в 30–40 чел. приходилось по три-четыре учебника. Контингент учащихся в ШРМ был чрезвычайно неустойчивым. Сложности материальной базы школ, послевоенные трудности быта и жизни нередко являлись причинами, побуждавшими молодых людей оставлять учебу. Так, к началу 1945/1946 учебного года в ШРМ области пришло учиться 3 562 чел., к концу года осталось 2 812 учащихся. Главной причиной выбытия учащихся являлась задержка на сверхурочных работах на предприятиях.

В школах рабочей молодежи 50 % учителей были совместителями, но здесь трудились самоотверженные энтузиасты, стремившиеся обеспечить прочные знания подопечным. Большую помощь вечерним школам оказывали директора многих омских предприятий: директор завода № 174 (транспортного машиностроения) премировал всех педагогов ШРМ № 4 месячным окладом; директор завода им. П. И. Баранова (№ 29) обеспечивал ШРМ № 5 помещениями, топливом, премировал подарками педагогов и отличников учебы. Начальникам цехов запреща-

ли использовать учащихся на сверхурочных работах. Силами заводчан были оборудованы физический и химический кабинеты.

В течение 1950-х гг. омские школы постепенно уходят от бед, нанесенных войной и послевоенными тяготами. Им были возвращены здания довоенной постройки, так как госпитали, располагавшиеся в них, были расформированы. Высокими темпами шло строительство школьных зданий. В одном только Молотовском районе (сейчас Октябрьский административный округ) с 1951-го по 1953 г. было построено пять школ, а количество учащихся возросло на 3,3 тыс. Строились новые школы и в Сталинском (ныне – Советский) районе, где возводился городок Нефтяников. Новые школы отличались от тяжеловесных монументальных военных строений: фасады школьных зданий середины 1950-х гг. декорированы лепными глобусами и другими школьно-письменными принадлежностями, которые обязательно сочетались с советской атрибутикой.

К середине 1952/1953 учебного года была ликвидирована трехсменность занятий, часть школ уже работала в одну смену. Укрепилась материальная база средних учебных заведений, пополнились литературой библиотеки; благоустраиваются школьные территории – огораживаются, оборудуются спортплощадками; во дворах школ выделяются участки для учебно-опытной работы, разбиваются цветники, клумбы, появляются аллеи из декоративных деревьев и кустарников. Анализ контрольных работ подтверждает улучшение качества знаний омских школьников, хотя кадровые проблемы еще не решены. В соответствии с директивами по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. школы Омска готовятся к осуществлению в следующей пятилетке всеобщего среднего (десятилетнего) образования.

Система среднего образования, как и высшей школы, в послевоенные годы существовала в условиях жестокого идеологического контроля, сурового пресечения свободомыслия. Школа должна была «воспитать активных строителей коммунизма». Именно с этой ритуальной фразы начинался отчет о работе школ Ленинского района за 1952/1953 учебный год, а далее указывалось, что, в отличие от учителей русского языка и литературы, преподаватели иностранных языков «не полностью перестроили свою работу в свете трудов товарища Сталина». Особенно строг был идеологический надзор за учителями истории и Конституции СССР. Так, при изучении промышленного переворота в Англии, говоря об изобретении паровой машины, следовало подчеркнуть, что русский изобретатель И. И. Ползунов изобрел паровой двигатель раньше Джеймса Уатта на 20 лет.

Наряду с развитием общеобразовательных школ, серьезное внимание уделяется внешкольной работе с детьми. Уже в июне 1945 г. в Омске была создана областная детская туристическая станция, переименованная в 1947 г. в детскую экскурсионно-туристическую, имевшую в с. Красноярка палаточный лагерь, а в городе турбазу для приема старшеклассников из области и других городов. 1950-е гг. в истории станции ознаменованы палеонтологическими экспедициями школьников под руководством ученых Московского государственного университета и интереснейшими находками ископаемых третичных рыб, вымерших растений в отпечатках железистых сланцев. Два школьника-исследователя были избраны в действительные члены Омского отдела Географического общества СССР. Именно 1940–1950-е гг. заложили основы той туристско-краеведческой работы в Омске, которая впоследствии стала наиболее массовым и привлекательным видом внешкольной работы в городе.

Слабый уровень подготовки первых послевоенных выпускников школ создавал определенные трудности и для учебной работы вузов. Немалой проблемой для многих вузов оставался недостаток помещений для занятий. В Омском пединституте в 1948 г. на шесть факультетов имелось всего 17 учебных аудиторий. Студенты занимались в три смены с 8 часов утра и до 12 часов ночи. Сообщившая об этом факте «Омская правда» сетовала, что дирекция вуза проявляет «мало энергии и инициативы, чтобы изыскать в городе дополнительные учебные площади». Газета также писала о слабой помощи вузам Омска городского Совета.

Были у высшей школы и другие проблемы, например спад научной активности преподавателей. Причины этого коренились не только в серьезном кадровом ослаблении потенциала высшей школы, но и в снижении уровня материально-технического, финансового и информационного обеспечения. Низовые научно-педагогические работники жили достаточно тяжело. Областные комитеты ВКП (б) вмешивались, если не выполнялись решения вышестоя-

щих властных структур о поддержке научных работников. Так, в августе 1946 г. бюро Омского обкома ВКП (б) приняло решение «О выполнении постановления СНК СССР от 6 марта 1946 г. “О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий”». Проверкой обкома было установлено, что выплата зарплаты по новым ставкам в ряде институтов производится с задержкой на месяц и больше. Например, в сельхозинституте по вине директора зарплату за апрель и май 1946 г. выдали лишь в конце июня. Подобная ситуация наблюдалась и в ветеринарном институте. Еще большие нарушения были по снабжению работников вузов продовольственными и промышленными товарами. Карточки и лимитные книжки выдавались им несвоевременно. Имелись и другие нарушения, которые обком обязал исправить в короткий срок.

Проблема недостатка квалифицированных кадров была одной из главных в развитии советской высшей школы в послевоенный период. Особенно в них нуждались молодые сибирские вузы, например Омский машиностроительный институт. Партийные руководители области и города принимали непосредственное участие в решении кадровых проблем омских вузов и научно-исследовательских институтов. В частности, они обращались в Центральный комитет ВКП (б) и Министерство высшего образования СССР с просьбами о направлении высококвалифицированных кадров. Однако отсутствие жилья часто затрудняло приглашение специалистов из других городов, поэтому основная ставка была сделана на подготовку местных кадров. Между тем ситуация с подготовкой специалистов через аспирантуру складывалась в 1946–1947 гг. неблагоприятно: во многих вузах региона аспирантов не было. Одним из исключений из этого правила был Сибирский автомобильно-дорожный институт (СибАДИ), где в 1947 г. была открыта аспирантура.

Положение с кадрами несколько улучшилось после принятия в 1948 г. постановлений Центрального комитета ВКП (б) и Совета министров СССР о подготовке научно-педагогических и научных кадров через аспирантуру. Партийные организации вузов стали уделять этим вопросам большее внимание, но и в последующие годы кадровый голод продолжал ощущаться. В ряде случаев наблюдалось даже снижение качественных показателей кадрового состава вузов. В частности, в Омском сельхозинституте «остепененность» преподавателей снизилась с 64 % в 1945 г. до 34 % в 1950 г. Это было связано как со значительным увеличением коллектива преподавателей, так и с трудностями подготовки кандидатов и докторов наук.

Определенную роль в недостатке квалифицированных кадров вузов играли жесткие требования политической и идеологической благонадежности. Документы тех лет свидетельствуют, что партийное руководство, опираясь на

информацию местных спецслужб, внимательно следило за кадровым составом вузов, особое внимание уделяя тем, кто имел репрессированных родственников, у кого родители или другие близкие родственники были служителями культа, кто служил в белых армиях.

Собирали «компромат» и на студентов. Талантливые выпускники не могли быть направлены в аспирантуру или оставлены при кафедрах, если в их анкетных данных были «компрометирующие обстоятельства». Именно так случилось, например, с будущим профессором Омского педагогического университета В. М. Самосудовым. После окончания исторического факультета Томского университета в 1952 г. Вениамина Михайловича не оставили на кафедре потому, что его родственники были высланы как «кулаки». Ограничения подобного рода для абитуриентов и студентов были сняты только после XX съезда КПСС.

Решение вопросов материального и бытового характера вузам проще всего было осуществлять, имея поддержку обкома или горкома партии. В ряде случаев такая помощь имела большое значение в развитии того или иного института. Наглядным примером участия партийного руководства города и области в судьбе вуза (и, в частности, в решении кадровых проблем) может служить ситуация в Омском машиностроительном институте в конце 1940-х гг. В мае 1948 г. комиссия Министерства высшего образования СССР, проверявшая этот институт, отметила, что в вузе работал лишь один профессор, а из 54 преподавателей пятеро являлись совместителями. 23 декабря 1949 г. состоялся пленум Омского горкома ВКП (б), который принял специальное постановление о работе института, определил задачи на ближайшее время. В результате произошло улучшение материально-технической базы института, укрепилась его связь с промышленными предприятиями, повысилось качество учебно-методической и научно-исследовательской работы.

Принятые как в центре, так и на местах меры имели положительное значение для развития омских вузов. К началу 1950-х гг. в городе было семь высших учебных заведений: автодорожный, ветеринарный, машиностроительный, медицинский, педагогический, сельскохозяйственный и физкультурный институты. В этих вузах, а также в 23 техникумах в 1952 г. обучалось около 20 тыс. студентов. По сравнению с 1940 г., рост числа студентов составил в вузах 65 %, в техникумах – 51,5 %. Только в Сибирском автодорожном институте в 1951 г. проходили обучение 600 студентов. В 1951–1952 гг. вузы Омска выпустили около 3 тыс. молодых специалистов.

Большая работа по развитию вуза велась в Омском сельскохозяйственном институте (ОмСХИ). В 1946 г. дипломы получили первые 22 выпускника-заочника, а через год – 24 студента дневного отделения. В 1950 г. к шес-

В. М. Самосудов
(1962–2004) –
историк, краевед.
*Из фондов музея
истории ОмГПУ.*

Участник Великой
Отечественной войны.

В Омск приехал по распределению, работал директором школы, потом преподавателем и, наконец, ректором Омского пединститута

ти имевшимся ранее факультетам ОмСХИ добавился новый – механизации сельского хозяйства, созданный для подготовки инженеров для машинно-тракторных станций (МТС). Ученые ОмСХИ вели значительную научно-исследовательскую работу. Уже весной 1946 г. директор сельскохозяйственного института, доцент А. П. Мацкевич отдал приказ о возобновлении издания институтских «Трудов» и образовании редакционной коллегии в составе профессоров С. В. Башкирова, К. П. Горшенина, В. В. Долино-Иванского, Я. С. Зайковского, А. Д. Кизюрина и др. В 1947 г. увидел свет очередной – 20-й по общему счету – том «Трудов ОмСХИ». Тогда же была проведена и первая послевоенная научная конференция преподавателей вуза, а в 1948 г. прошли юбилейные научные конференции – преподавательская и студенческая. Годом позже был опубликован юбилейный сборник «Омский сельскохозяйственный институт им. С. М. Кирова за 30 лет». Культурно-массовая работа вуза также была на высоте: как только оборонный завод освободил институтский клуб, в нем силами студентов был проведен ремонт, и, несмотря на то что помещение было неотапливаемым, начали работать литературный и драматический кружки, были организованы духовой и джазовый оркестры.

В Омском медицинском институте в послевоенные годы работала профессор О. Д. Соколова-Пономарева, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, автор многочисленных публикаций и передовых методик диагностики и лечения детских болезней. В 1947 г. она приняла участие в работе Международного конгресса детских врачей в Нью-Йорке.

Восстановительные процессы полным ходом шли во всех омских вузах. Так, с отъездом военного завода, производившего артиллерийские прицелы, и освобождением главного корпуса постепенно нормализовалась учебная деятельность ветеринарного института.

Институт физической культуры был открыт в Омске в 1950 г. К занятиям приступили 100 студентов, около

половины из них были выпускниками физкультурного техникума. На первых порах вуз сталкивался с немалыми трудностями: учебным корпусом служило здание клуба, студенческое общежитие разместилось в переоборудованной конюшне, большинство преподавателей не имело опыта работы. Лишь один педагог, Д. Д. Донской, имел степень кандидата наук.

В 1951 г. при кафедре русской и зарубежной литературы Омского педагогического института В. А. Василенко был организован студенческий кружок народного творчества, члены которого в 1951–1959 гг. приняли участие в фольклорных экспедициях в северные районы Омской области. Логическим завершением большой работы стал сборник сказок, изданный в Омске в 1951 г., – «Заветное кольцо» (составили книгу и литературно обработали тексты народных сказителей А. С. Борисевич, В. А. Василенко и М. К. Юрасова).

Среди учебных заведений послевоенного Омска особое место занимал вечерний университет марксизма-ленинизма, дававший, как тогда говорили, «политическое образование». Количество его слушателей неуклонно росло: если в 1945 г. их насчитывалось 200, то в 1953/1954 учебном году – уже 1 098 партийных и хозяйственных руководителей, передовых рабочих, представителей научной, технической и творческой интеллигенции. Филиалы университета были открыты во всех районах города.

Деятельность руководящих партийных структур по развитию высшей школы и науки в этот период нельзя оценивать однозначно. Без сомнения, органы ВКП (б), будучи основными властными структурами, сыграли важную роль в расширении сети вузов и научно-исследовательских

институтов в регионе, восстановлении и развитии их материально-технической базы, увеличении выпуска специалистов, усилении связи науки с производством. Но нельзя забывать о преследованиях отдельных ученых, чьи взгляды даже в незначительной степени расходились с политическими установками партии, или тех, кто был вполне лоялен, но считался «политически неблагонадежным». Особую роль в этом сыграли кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», «космополитизмом».

В ходе борьбы с «низкопоклонством» и «космополитизмом» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. были случаи увольнения и «политически неблагонадежных» преподавателей вузов. В число изгнанных в Омске попал доцент кафедры истории СССР Омского педагогического института Н. В. Горбань (1899–1973). Судьба его складывалась драматически. Этот крупный украинский историк был в 1931 г. арестован в Харькове и до приезда в Омск отбывал ссылку как «украинский националист» в Алма-Ате и Тобольске. В Омске Николай Васильевич развернул работу по историческому краеведению, но в 1950 г. был изгнан из вуза. Поразительно, что в том же году ранее он получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В этом проявились жестокость и лицемерие режима: ученого награждали медалью, но прогоняли с работы. Лишь после смерти И. В. Сталина Горбань смог вернуться на педагогическую работу, однако ему разрешили преподавать только латынь в медицинском училище.

В период «чисток» из Омского педагогического института был уволен директор (ректор) А. С. Сливко (в очерке «Общественная жизнь и политические репрессии (1930-е гг.)» рассказывается о судьбе семьи Сливко). Вслед-

Фольклорист-филолог В. А. Василенко (первый слева) в правлении колхоза на севере Омской области со студентами – участниками фольклорной экспедиции Омского пединститута. 1950-е.
Из фондов музея истории ОмГПУ

ствие политических причин были уволены В. Б. Бередович, А. К. Касьян, Р. С. Коган, Р. В. Лейтман, М. С. Цыбин, В. С. Харитонов. Например, преподавателю английского языка Харитонову ставились в вину проведение политинформаций на английском языке, «проявления аполитичности» и «преклонения перед иностранщиной».

Кампания по преследованию «низкопоклонников» и «космополитов» имела тенденцию к расширению. Аресты врачей проходили и в Омске, причем арестовывали не только евреев. В частности, были арестованы и осуждены венеролог, доцент медицинского института Г. А. Шустеров и главврач областной детской больницы О. Л. Лурье (еврей), а также заведующий кафедрой ветеринарного института Н. Н. Болдырев (русский). Сведения об этих арестах подтверждены в документах Прокуратуры СССР. Например, имеются данные о Г. А. Шустерове (1898 г. р.), осужденном 6 мая 1953 г. за то, что «критиковал советскую действительность, принижал достижения русских ученых, отождествлял космополитизм с интернационализмом, называл советских политических деятелей “питекантропами”, о Василии Сталине говорил, что тот дослужился до генерала, а остался шалопутным».

Подобные сведения есть и о педиатре О. Л. Лурье (1886 г. р.), осужденном 11 июня 1953 г. О причинах ареста в документах прокуратуры сказано коротко: «В 1918–1919 гг. в период колчаковщины был секретарем и членом президиума Омской еврейской организации “Ваад”, связанной с “Джойнт”». Обращает на себя внимание, что Шустеров и Лурье были осуждены не только после смерти Сталина, но и после реабилитации московских «врачей-отравителей». Возможно, имела место политическая инерция прежней кампании. Но представляется вероятным, что эти врачи высказывали некую крамолу по поводу возникших между СССР и Израилем разногласий, которые привели к разрыву дипломатических связей в феврале 1953 г. В середине 1950-х гг. Н. Н. Болдырев, Г. А. Шустеров и О. Л. Лурье были реабилитированы.

Обстановка, сложившаяся в науке и высшей школе, наглядно отразилась в «научных дискуссиях» конца 1940-х – начала 1950-х гг. В августе 1948 г. состоялась печально знаменитая сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). После этого группа Т. Д. Лысенко, поддержанная И. В. Сталиным, заняла в агробиологии монопольное положение, генетика объявлялась «лженаукой».

В Омске наибольший резонанс из всех погромных научных сессий получила именно августовская сессия академии. Преследование неудобных ученых проводилось по всем тогдашним «правилам»: сначала травля на общих и профсоюзных собраниях с требованием покаяния, а затем нередко изгнание из вуза. Подобные кампании заканчивались и трагедиями. Пример тому – история травли

А. С. Сливко (1884–1972) – краевед, кандидат философских наук, первый директор Омского пединститута.

Из фондов музея истории ОмГПУ.

С 1942 г. работал заведующим кафедры философии, логики и психологии Омского педагогического института, был уволен по политическим мотивам

О. Л. Лурье (1886–1963) – один из основоположников омской педиатрии, главный врач Омской областной детской больницы.

Из фондов МИСО

ученых в Омском сельскохозяйственном институте, закончившаяся самоубийством профессора К. Е. Мурашкинского, имевшего два высших образования (естественное отделение физико-математического факультета Московского университета и Московский сельскохозяйственный институт). Он служил в армии, участвовал в Первой мировой и гражданской войнах (на стороне белых). В мае 1920 г. стал преподавателем Сибирского института сельского хозяйства и промышленности, специализировался на заболеваниях агрокультуры. В конце 1923 г. Мурашкинскому было присвоено звание профессора и поручено заведование кафедрой. В 1938 г. ученый удостоился докторской степени. Он активно занимался краеведением, в 1920-х гг. состоял действительным членом Западно-Сибирского отдела Русского географического общества и совершил ряд научных экспедиций в верховья Енисея, в Чуйскую степь. В 1944 г. за исследования по увеличению урожая К. Е. Мурашкинский был награжден орденом. Казалось, что ничего не предвещало беды, но пришел август 1948 г. с сессией. Начался разгром отечественной генетики и травля

тех ученых, чья деятельность, по мнению последователей Т. Д. Лысенко и работников партийного аппарата, шла вразрез с «мичуринской биологией».

В Омском сельхозинституте два дня длилось собрание научных работников, посвященное итогам августовской сессии ВАСХНИЛ. В его работе участвовали секретарь обкома ВКП (б) П. А. Шуркин и другие партработники. Докладчик, директор ОмСХИ Ф. М. Дробышев, сообщил собравшимся, что «менделисты-морганисты» «свели свое гнездо» и в руководимом им вузе. В качестве таковых были названы профессора Б. А. Вакар, К. Е. Мурашкинский, К. Г. Ренард и А. А. Стольгане.

Профессору Мурашкинскому досталось больше всех. Он, как выяснилось из доклада Дробышева, «не стоит на позициях мичуринской биологии и в своей научной работе скатывается к схоластике и раболепию перед иностранщиной». В ходе собрания подверглись критике и другие ученые: К. П. Горшенин, М. З. Журавлев, М. С. Бодров, М. С. Каргополов. Фактически вся вина этих научных работников состояла в том, что они не разделяли взглядов Лысенко. Всего на собрании профессорско-преподавательского состава в сельхозинституте присутствовало 284 чел., а выступило – 18. Как говорится в отчете Омского обкома, направленном в Центральный комитет ВКП (б), «попытки отдельных научных работников, стоявших на позициях вейсманизма-морганизма или находившихся под влиянием этого реакционного лжеучения, оправдаться, доказать свою непричастность, сгладить “острые углы”, направить собрание на путь общих разговоров встретили дружный и решительный отпор со стороны большинства присутствующих на собрании».

Стольгане и Ренард на собрании не присутствовали, так как были уволены из института минвузовским приказом еще в конце августа. После увольнения профессор А. А. Стольгане уехал в Житомир. Профессор К. Г. Ренард, уже отбывавший заключение в сталинских лагерях, понимал, что может вновь быть арестован. Ученый отступился от своих взглядов, побывал у Лысенко, а позже написал письмо в Минвуз с признанием своих «ошибок». В 1949 г. К. Г. Ренард был восстановлен в институте с условием полностью перестроить свою работу в соответствии с «мичуринской биологией».

Трагичнее, чем у других опальных ученых, сложилась судьба профессора Мурашкинского. 12 сентября 1948 г. в «Омской правде» целая страница, украшенная портретами И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко, была посвящена собранию в ОмСХИ. В газете утверждалось, что Мурашкинский и ему подобные «открыто и тихой сапой боролись против передового учения К. А. Тимирязева, В. Р. Вильямса, И. В. Мичурина, Т. Д. Лысенко, уходили сами и пытались уводить своих аспирантов и студентов от практики социалистического строительства».

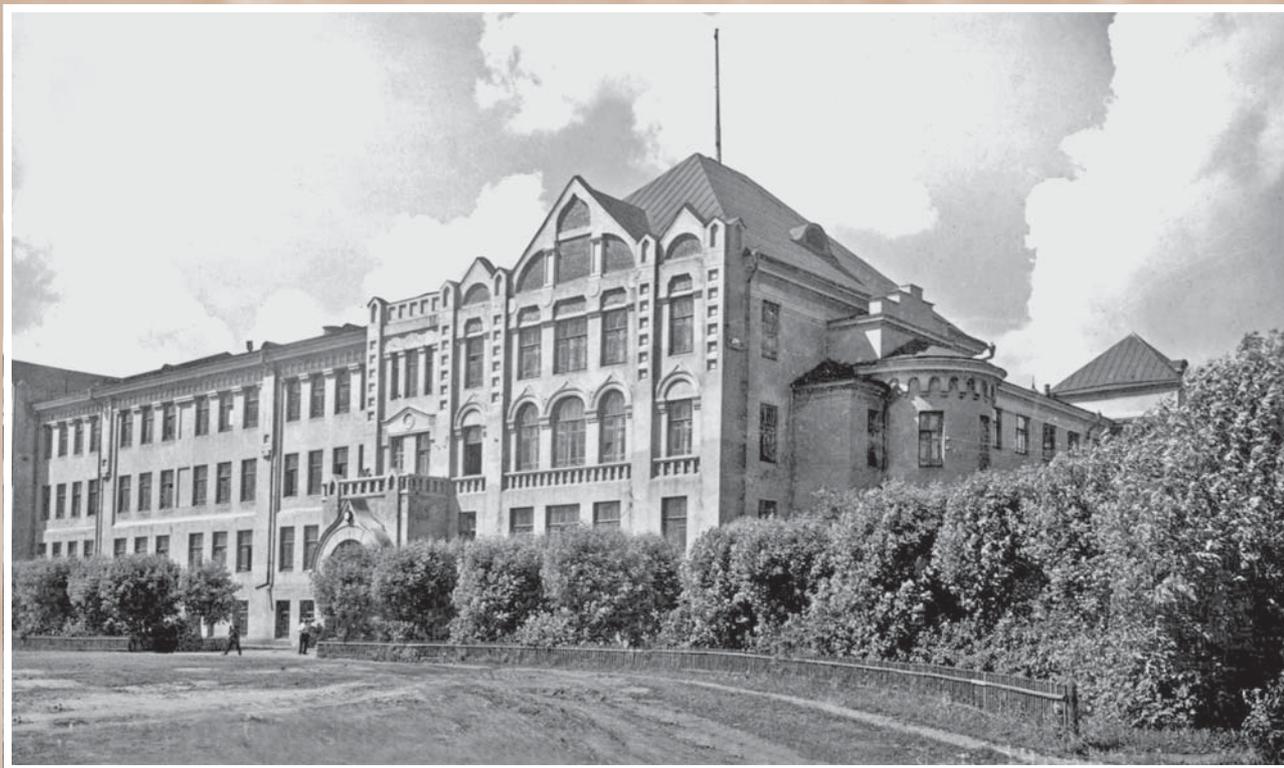
25 сентября 1948 г. К. Е. Мурашкинский предпочел смерть продолжению этих экзекуций. После ухода из жизни ученый еще раз был унижен. Не было ни гражданской панихиды, ни некролога, его даже не захотели (и побоялись) по-человечески похоронить. На институтской машине гроб из неструганых досок доставили на кладбище, проститься с ученым пришло лишь несколько его друзей и учеников.

В отчете об обсуждении итогов августовской сессии ВАСХНИЛ сообщалось, что в мединституте на собрании присутствовало 750, в автодорожном – 113, в педагогическом – 58 чел. Прошли собрания студентов, теоретические конференции. Была намечена перестройка работы ряда кафедр в омских вузах, организованы семинары преподавателей школ. Наконец, проведено областное совещание научных работников и практических мичуринцев, на котором присутствовали 540 чел.

Говоря о послевоенном Омске, нельзя не сказать о развитии музейного дела. После войны возобновилась работа Омского музея изобразительных искусств. В 1947 г. его директором стал А. М. Гольденблюм (1898–1972), бывший фронтовик, до войны работавший директором музея Большого театра. Опытный искусствовед, популяризатор русского классического искусства, он способствовал развитию художественного музея, активизации его культурно-просветительской деятельности. Музейное собрание пополнялось новыми произведениями, преимущественно советских художников.

Директором Омского областного краеведческого музея был назначен А. Ф. Палашенков (1886–1971), работавший здесь с 1936-го по 1943 г. научным сотрудником и много сделавший по учету, фотофиксации и паспортизации историко-революционных памятников на территории Омской области. По инициативе ученого открыты в 1950 г. мемориальный музей сибирского садовода П. С. Комиссарова в 40 км от Омска, в 1953 г. – музей Марьяновских боев. Палашенкову удалось превратить музей из номинального в подлинный центр краеведческой активности всего омского региона, сплотить вокруг него разрозненный и неорганизованный местный краеведческий актив – своих добровольных помощников и единомышленников. Среди них были омские ученые разных специальностей, педагоги, управленцы, инженеры, журналисты, литераторы, врачи и многие другие – от ветеранов революционного подполья до юных натуралистов и опытников.

Палашенков и его соратники сыграли огромную роль в деле возрождения в Омске отдела Географического общества, бывшего до начала 1930-х гг. авторитетнейшей краеведческой организацией в Западной Сибири. В 1946 г. по ходатайству инициативной группы Омский облисполком вошел с соответствующим предложением в Ученый совет Географического общества СССР.

Здание Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова (имя присвоено в 1935 г.). Из фондов МИСО. Построено в 1915 г. для сельскохозяйственной школы, позже переименованной в училище. Сейчас – главный корпус Омского государственного аграрного университета (Институтская площадь, 2)

Профессор сельхозинститута К. Е. Мурашкинский (в центре) на занятии по фитопатологии злаковых культур*. 1930-е. Пострадал в годы гонений на генетику

В феврале 1947 г. омская делегация (А. Ф. Палашенков и М. А. Лебедев) отправилась в Ленинград на I Всесоюзный съезд географов. 1947 г. стал годом второго рождения Омского отдела Всесоюзного географического общества. Его первым председателем был избран К. П. Горшенин (в 1951 г. его сменил на этом посту А. Д. Кизюрин).

До конца своих дней А. Ф. Палашенков являлся заместителем председателя Омского отдела. Заместитель директора краеведческого музея по научной работе С. Р. Лаптев (1891–1967) работал в должности ученого секретаря возрожденной краеведческой организации. Жизнь Омского отдела Географического общества в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. была насыщенной, а деятельность плодотворной: осуществлялись всевозможные хозяйственные исследовательские работы, вырученные средства направлялись на организацию и снаряжение экспедиций.

Во второй половине 1940-х гг. вся работа по культурному воспитанию и просвещению населения тесно увязывалась с агитационно-пропагандистскими задачами. Идеологические структуры партийных органов всегда внимательно следили за деятельностью местных литераторов. В первые послевоенные годы отделений Союза советских писателей (ССП) в Сибири было немного (в Новосибирске – с 1938 г., в Барнауле – с 1951 г.). Отсутствие отделений ССП несколько компенсировалось образованием литературных объединений, которые создавались при областных газетах, как было и в Омске. Эти литобъединения издавали ежегодные альманахи, печатали в местных издательствах произведения своих членов.

В первые годы после войны в Омском издательстве выходило не так много произведений художественной литературы, но год от года их количество росло. Например, в 1946 г. было выпущено три книги, в 1947-м – восемь, в 1948-м – 10, в 1951 г. – 16. В «Омском литературном альманахе» регулярно печатались местные литераторы Л. И. Иванов, М. К. Иоффе, Б. А. Малочевский и др. В 1946 г. был возобновлен выпуск старейшего регионального литературного журнала «Сибирские огни» (Новосибирск), который печатал и омичей, например стихи М. Д. Максимова.

Постановление Центрального комитета ВКП (б) о ленинградских журналах 1946 г. оказало влияние на события в Омске, связанные с книгой стихов Л. Н. Мартынова (1905–1980) «Эрцинский лес», выпущенной в 1946 г. в местном издательстве. Леонид Мартынов в те годы для Омска был заметной фигурой. Власти относились к нему настороженно, поскольку поэт, выпустивший уже четыре сборника, считался не совсем политически благонадежным. В 1932 г. по сфабрикованному делу так называемой «Сибирской бригады» (Н. И. Анов, П. Н. Васильев, Е. Н. Забелин, С. Н. Марков, Л. Н. Мартынов и Л. Н. Черноморцев) Мартынов был арестован и обвинен в «антисоветской деятельности», но через три месяца его освободи-

ли и отправили в ссылку в Вологду. С 1935-го до февраля 1946 г. он жил в Омске, затем уехал в Москву.

Первый послевоенный сборник стихов поэта «Эрцинский лес» сразу же привлек к себе внимание не только литераторов и читателей, но и властей. После выхода августовского постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» идеологическая ситуация изменилась. Хотя Мартынов покинул Омск в феврале 1946 г., здесь последовала резкая критика сборника «Эрцинский лес». Очевидно, что проработка поэта должна была стать примером для других.

На заседании бюро Омского обкома ВКП (б), состоявшемся 3 января 1947 г., слушался вопрос о работе местного книжного издательства. Именно на этом заседании звучали обвинительные речи в адрес Л. Н. Мартынова, а также в адрес директора Омгиза С. И. Жданова и его главного редактора В. С. Курневой. В постановлении бюро обкома говорится, что в работе издательства имеются «крупные политические ошибки и серьезные недостатки». Какие же именно? «Грубейшей политической ошибкой Омгиза было предоставление литературной трибуны поэту Мартынову, который, пользуясь покровительством тт. Жданова и Курневой, издал ряд безыдейных, идеологически вредных и халтурных произведений». Критике были подвергнуты книги «Эрцинский лес», «Жар-цвет» и др.

11 октября 1947 г. на заседании бюро Омского обкома ВКП (б) слушался вопрос о шестой книге «Омского альманаха». Издательство резко критиковалось за «безыдейность», «низкопробные произведения», «ненужные переводы английских писателей». По мнению бюро, выход альманаха свидетельствовал «о политической беспечности, беспринципности и идейной пустоте в работе Омгиза, об отсутствии большевистской критики и самокритики». Внимание отдела пропаганды и агитации обкома ВКП (б) было обращено на усиление контроля над работой Омгиза и литературного объединения. Областному управлению по цензуре (Обллиту) было дано указание об изъятии из продажи нераскупленных экземпляров «Омского альманаха» № 6. Состав редколлегии альманаха был изменен (теперь в нее вошли не только писатели, но и работники обкома партии), произошли изменения в президиуме литературного объединения.

К идеологическому воспитанию литераторов в духе партийного постановления о ленинградских журналах возвращались и в последующем. Например, в Омске 25–27 июня 1948 г. прошло областное совещание писателей, молодых литераторов и представителей литературной общественности. На обсуждение собравшихся был представлен доклад обкома ВКП (б) «Советская литература после постановлений ЦК ВКП (б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” и задачи писателей области». С докладом выступил секретарь обкома по идеологии П. А. Шуркин. На совещание приехали и гости из Москвы: писатели Л. И. Ошанин

и М. Б. Колосов, а также инструктор Центрального комитета ВЛКСМ Парфенов.

Основные положения доклада были воспроизведены П. А. Шуркиным позже в программной статье, опубликованной «Омской правдой». «Наши поэты, прозаики и драматурги, – писал главный идеолог области, – должны работать над тем, чтобы отразить процесс строительства коммунизма в нашей стране, борьбу рабочих и колхозников за осуществление пятилетки в четыре года». По мнению Шуркина, на «литературных четвергах» необходимо организовывать встречи с «лучшими стахановцами города и деревни, лучшими представителями советской интеллигенции», делать доклады по вопросам марксистско-ленинской теории, обсуждать новинки советской литературы. Был поставлен и вопрос о том, что омские литераторы должны пропагандировать русскую и советскую литературу, помочь стахановцам в написании книг, в которых был бы обобщен их опыт.

В 1949 г. П. А. Шуркин направляет письмо генеральному секретарю Союза советских писателей А. А. Фадееву с просьбой организовать в Омске литературное объединение «в качестве переходной ступени для создания в будущем областного отделения Союза писателей» (отделение Союза писателей было организовано здесь лишь в начале 1960-х гг.). В то время в Омске был один член Союза советских писателей – поэт-фронтовик Марк Максимов (Липович), приехавший сюда сразу после войны. Но, кроме Максимова, в городе жила уже целая группа литераторов. Среди них, например, Сергей Залыгин, трудившийся тогда в сельскохозяйственном институте. Объединение было создано и функционировало в течение ряда лет. Издавались сборники стихов местных поэтов, ежегодник «Омский альманах», который неоднократно критиковался обкомом (иногда справедливо) за недостаточно высокий уровень опубликованных там произведений. Пытаясь улучшить ситуацию, областной комитет партии настаивал на организации общеобразовательной и, главное, политической учебы литераторов.

Омские литераторы откликнулись на призыв партии бороться с «принижением русской науки». В 1951 г. Б. А. Малочевский обратился с предложением о соавторстве к Н. М. Почивалину и А. В. Шубину. Была написана пьеса «Русская тропинка», получившая поддержку обкома партии, поскольку главным ее героем стал русский изобретатель А. П. Кузнецов-Алмазов. Об истории этого русского механика было рассказано в книге писателя Л. Д. Давыдова «Родина трактора». Оказывается, именно омский умелец Кузнецов-Алмазов придумал «цепи-тропинки» для перехода машин через болота, т. е. прообраз гусеничной тяги. Идею потом якобы украли американцы. Сейчас затруднительно судить о том, насколько достоверным является этот рассказ, но в условиях борьбы с «низ-

копкломством перед Западом» он оказался востребованным. История изобретения послужила основой пьесы об изобретателе, «гонимом и притесняемом царскими чиновниками».

Новый этап в идеологической работе региональных партийных органов связан с развернувшейся в стране кампанией по «борьбе с космополитизмом». В 1949 г. на собраниях деятелей литературы и искусства осуждались отдельные театральные критики (как правило, евреи), которые обвинялись в «недостатке патриотизма» и «преклонении перед Западом». В Омске одной из центральных фигур периода борьбы с «космополитизмом» оказался литературовед Е. И. Беленький. Вероятнее всего, потому, что был не только евреем, но заметной фигурой, часто публиковался. Он закончил филфак пединститута в Смоленске, участвовал в Великой Отечественной войне. После ранения был отправлен в трудармию. С 1945 г. Ефим Исаакович преподавал в Омском педагогическом институте, был членом ВКП (б) и не был замечен в проявлении какого-либо инакомыслия (всегда придерживался «партийной линии»: в 1946 г. с трибуны критиковал Анну Ахматову). Но, видимо, тем и характерна была данная кампания, что показательная расправа над одним была предупреждением всем.

20 марта 1949 г. «Омская правда» публикует статью Н. Бушковой «Убрать космополитов с пути нашей литературы», в которой подробно рассказывалось о собрании 14 марта местного литературного объединения, работников искусства и издательств, вскрывшем «наличие космополитизма, формализма и буржуазного эстетства в деятельности некоторых омских критиков, литераторов, писателей». Собрание было подготовлено партийными органами в связи с проводившейся в стране «антикосмополитической кампанией».

В качестве основного докладчика выступил директор Омского издательства В. Слинкин, заявивший, что «литература отстает от требований и задач, предъявляемых партией. Некоторые произведения страдают аполитичностью, безыдейностью, а в иных имеются рецидивы формализма и эстетства». Далее речь пошла о литературоведе Е. И. Беленьком. Его обвиняли в том, что он несправедливо захваливает отдельных молодых поэтов (назывались еврейские фамилии). Других же молодых поэтов, «по заведенному у космополитов обычаю, хвалит за тему, а затем разносит за художественные недостатки, за подражательность». Хуже того, «толкает» молодежь «на поиск новых, вычурных форм». Беленький не признал своей вины.

Собрание нашло и иные фигуры для критики. В «эстетстве» был обвинен заведующий кафедрой иностранных языков сельхозинститута В. Н. Энгельгардт (тот самый, который вместе с В. К. Ивановым критиковал Леонида Мартынова): «Несомненно, он своими переводами О. Хайама и Д. Мэйсфилда нанес большой вред». В чем заключался

этот «вред», осталось невыясненным. На «антикосмополитическом» собрании критиковались (как «неправильные») рецензии на спектакли Омского драмтеатра московского критика С. Валерина и директора Омского музея изобразительных искусств А. М. Гольденблюма. Итоги собрания были подведены заведующим отделом пропаганды и агитации обкома ВКП (б) Павловым (инициалы неизвестны. – *Ред.*). «Космополитизм нашел отражение и у нас, – заявил он. – Работники местной газеты, издательства, литературного объединения не сумели своевременно вскрыть проявление космополитизма, формализма и эстетства в местной критике и литературе. Влияние критиков-космополитов сказалось и на работе Омского драматического театра, не решавшегося ставить пьесы советских авторов».

22 марта 1949 г. «Омская правда» напечатала резолюцию собрания интеллигенции. В резолюции были осуждены омские критики (Е. И. Беленький, А. М. Гольденблюм и др.), критиковались стихи Д. Я. Рывкина, С. П. Гудзенко, М. Д. Максимова. Впоследствии литературоведа оставили в покое; Е. И. Беленький продолжил свою преподавательскую и научную деятельность в пединституте, правда, какое-то время его статьи не появлялись в местной печати.

В первые послевоенные годы произошло крупное событие в театральной жизни города. 25 мая 1947 г. премьерой оперетты Р. Хейфа «Яблоко любви» открыл первый сезон Омский театр музыкальной комедии, расположившийся в здании бывшего Общественного собрания в городском саду. За короткий срок новый театр стал одним из главных очагов музыкальной культуры Омска. В его стенах работали симфонический оркестр, вокальный и балетный ансамбли.

Омский драматический театр во второй половине 1940-х гг. переживал «творческий кризис», что было вызвано не только сложной ситуацией театральной жизни страны, но и субъективными моментами (отъезд главного режиссера Л. С. Самборской и некоторых ведущих актеров). В ноябре 1946 г. вопрос о деятельности драматического театра заслушивался на бюро Омского обкома ВКП (б). В принятом решении говорится, что «руководители областного драматического театра не проявили большевистской принципиальности при составлении репертуарного плана, в угоду отсталым настроениям допустили засорение репертуара малохудожественными безыдейными пьесами, чем снизили общую идейную направленность репертуара театра». Партийное руководство области отметило: «С конца 1945 г. и в 1946 г. театр в ущерб современным советским пьесам непомерно увлеклся современной западноевропейской драматургией. Постановка спектакля «Дорога на Нью-Йорк» явилась, по сути, предоставлением сцены для пропаганды реакционной буржуазной морали и идеологии. Спектакли советских авторов и русской классики не закреплялись на сцене театра».

Е. И. Беленький (1912–1984) – литературовед, критик.

Из фондов музея истории ОмГПУ.

Старший преподаватель, позже доцент Омского педагогического института. В 1949 г. подвергся резкой критике за «формализм, эстетство и космополитизм»

После этих решений театр столкнулся с рядом проблем. Среди главных вопросов был такой: как привлечь зрителя? Очевидно, что, кроме всего прочего (увеличение выездных и гастрольных спектаклей), необходимо было сделать более привлекательным репертуар. Но дирекция и режиссеры театра были обязаны (после постановления Центрального комитета о театрах) ставить преимущественно пропагандистские спектакли, на которые народ шел не очень охотно. И здесь на помощь театру пришли партийные органы. Парторганизации крупных предприятий обязали устраивать массовые «культпоходы» в театр, а также организовывать выступления артистов в заводских клубах.

В начале 1949 г. в связи с «разоблачением критиков-космополитов» во всех театрах страны проводятся соответствующие собрания, в основном готовившиеся под руководством отделов агитации и пропаганды местных обкомов ВКП (б). Подобное открытое партийное собрание в марте 1949 г. прошло в Омском драматическом театре. На нем обсуждались статьи из газет «Правда» и «Культура и жизнь» об «антипатриотической группе театральных критиков». Уклониться от участия в подобном политическом мероприятии даже беспартийным работникам театра было практически невозможно.

С докладом на собрании выступил тогдашний директор драмтеатра П. Т. Черемных. Он, как сказано в газетном отчете, «проанализировал враждебную советскому искусству деятельность критиков-антипатриотов и их подголосков, их гнусные методы, которыми они пытались свести на нет советскую литературу и искусство, оплевать лучшие традиции и заветы корифеев критической мысли – Белинского, Чернышевского, Добролюбова». Далее директор сказал и об «ошибках коллектива, допустившего на сцену безыдейные пьесы и прошедшего мимо пьес советских драматургов...». Докладчик признал, что в последние несколько лет такие пьесы, как «Дорога в Нью-Йорк» Леонида Мзюгина, «Звезда экрана» Александра Раскина и Мориса

Слободского, заняли преобладающее место в репертуаре театра. Спектакли же о современности, например, «Великая сила» Б. Ромашева, «Жизнь в цитадели» А. Якобсона, «в силу их плохой подготовки, не стали ведущими в репертуаре, оказались проходными». Среди виновников этого были названы и иногородние критики – С. Валерин, Л. Боровой, Пудалов, «не направлявшие коллектив театра на верное решение основных идей пьес и их образов». Собрание Омского драмтеатра «заклеймило преступную деятельность космополитов» и наметило пути к исправлению вышеназванных «ошибок». Стоит также сказать, что, несмотря на проходившие «чистки», в Омском драмтеатре продолжали работать некоторые артисты, репрессированные в довоенные и военные годы. Среди них В. Я. Дворжецкий и М. М. Иловайский.

В поисках выхода из кризиса и для привлечения зрителя театр обратился к инсценировкам современных и классических произведений. Были поставлены спектакли по книгам «Молодая гвардия» А. А. Фадеева, «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, «Овод» Э. Л. Войнич, «Дубровский» А. С. Пушкина, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого.

Обращался театр и к произведениям откровенно пропагандистской тематики, например пьесе «Навсегда» Марка Максимова о борьбе рабочих против режима адмирала А. В. Колчака. В 1951 г., в соответствии с политическими установками о приоритете русской науки, была осуществлена постановка пьесы «Русская тропинка», написанной в соавторстве омичом Б. А. Малочевским, драматургом из Пензы Н. М. Почивалиным и главным режиссером драмтеатра А. В. Шубиным. В том же 1951 г. был поставлен спектакль «Семья» (по пьесе И. Ф. Попова) о юношеских годах В. И. Ленина. К сезону 1952–1953 гг. репертуар драмтеатра значительно обогатился. С успехом шли произведения как советских авторов («Разлом» Б. А. Лавринева, «Девушки-красавицы» Ю. Симукова), так и русских, а также зарубежных классиков («Лес» А. Н. Островского, «Укрощение строптивой» У. Шекспира, «Закон Ликурга» по «Американской трагедии» Т. Драйзера, «Пигмалион» Б. Шоу).

Вызывали интерес у омской молодежи в послевоенные годы и спектакли театра юного зрителя, особенно «Детство» по повести М. Горького, «Как закалялась сталь» и «Овод» – инсценировки романов Н. А. Островского и Э. Л. Войнич.

Большой и особой любовью не только для детей, но и для взрослых был цирк. «В него ходили, как на праздник, часами стояли в очереди, неделями готовились», – вспоминает журналист Александр Поварницын о том, еще деревянном цирке, что стоял рядом с Казачьим базаром. Больше месяца в марте 1950 г. здесь с огромным успехом проходили гастроли крупнейшего циркового ансамбля «Казачи» под руководством заслуженного артиста республики М. Н. Туганова.

Одним из любимейших развлечений омичей было кино. Фильмофонд области в 1950 г. имел 1 168 копий звуковых (345 названий) фильмов и 122 копии немых (55 названий). В Омске в 1951 г. функционировало 19 киноустановок (включая кинопередвижки); в 1952 г. работало шесть кинотеатров: «Художественный», «Победа», «Луч», «Маяк», «Экран», им. 22 декабря 1918 г. Интересно, что зрители приходили в них задолго до сеанса: в фойе кинотеатров имелись шахматы, читальный зал, где можно было полистать газеты. Перед вечерними киносеансами нередко играл оркестр и выступали артисты.

После окончания войны в родной город вернулись художники В. Н. Белов, Н. Ф. Кликушин, П. С. Мухин, Б. Н. Николаев, А. Е. Оськин, И. Я. Савохин. Численность Омской организации Союза художников возросла до десяти человек. С целью глубокого погружения в материал живописцы совершали творческие командировки на места событий. Так, К. Н. Щекотов в поисках правдивого изображения персонажей предпринял поездку на место казни Зои Космодемьянской – в д. Петрищево под Москвой, а также в лагерь немецких военнопленных. Итогом многолетней работы стала живописная трилогия об отважной партизанке – «Зоя Космодемьянская перед казнью», «Последняя ночь Зои» и «Допрос партизанки» (1947–1959). На основе личных наблюдений написаны большое полотно Т. П. Козлова «У карты Великой Отечественной войны» (1947), пейзажи К. П. Белова.

После идеологических партийных постановлений не были забыты и художники, от которых партийные органы и отделы искусств при облисполкомах требовали коренных перемен в творчестве, создания политически актуальных произведений. В январе 1949 г. газета «Омская правда» посвятила целую страницу творчеству местных художников и их участию в областной художественной выставке. В газете приводятся слова художника В. Р. Волкова, которые помогают лучше понять атмосферу тех лет: «Нам, художникам, нужно всегда помнить, что искусство в нашей стране является важнейшим партийным и государственным делом. Оно должно помогать партии и правительству в деле коммунистического воспитания трудящихся, воспитывать в молодом поколении лучшие качества советских людей, преданных нашей Родине».

Настоятельные призывы партийных органов и отделов искусств больше уделять внимания жанровым картинам, раскрывающим темы современности, не могли остаться без внимания художников. Ведь именно такого рода искусство считалось в первую очередь соответствовавшим принципам социалистического реализма. Такие картины получали поддержку обкомов и отделов искусств, имели положительные рецензии в прессе, отправлялись на различные выставки, закупались по более высокой цене; тем более, что в 1949 г. отмечался юбилей вождя.

Т. П. Козлов. У карты Великой Отечественной войны. 1947. Холст, масло. 170 х 270. Из собрания ООММИ им. М. А. Врубеля

К. Н. Щекотов. Зоя Космодемьянская перед казнью. 1949. Холст, масло. 206 х 305. Из собрания ООММИ им. М. А. Врубеля

К. П. Белов. Иртыш. 1946. Холст, масло. 74 х 106. Из собрания ООМПИИ им. М. А. Врубеля

П. С. Мухин. Колхозная кузница. 1948. Холст, масло. 130 х 175. Из собрания ООМПИИ им. М. А. Врубеля

Вот, например, картины, над которыми работали омские художники в начале 1949 г.: А. Н. Либеров написал полотно «Сталин на Ржевском фронте»; В. Р. Волков – «Награждение товарища Сталина орденом “Победа”», «Колхозные садоводы у Мичурина»; К. П. Белов – «Товарищ Сталин на Черноморском флоте», «Сталинский рейд»; Т. П. Козлов – «Есть такая партия», «Групповой портрет товарищей Сталина И. В., Молотова В. М., Ворошилова К. Е. и Буденного С. М.». Идеологическая направленность картин такого рода очевидна.

Справедливости ради надо сказать, что омские художники получали дипломы на выставках отнюдь не только за картины идеологической тематики. Так, в 1949 г. в Москве на Республиканской выставке произведений художников краев, областей и автономных республик омские живописцы были награждены дипломами и грамотами Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР (К. П. Белов «Лесосплав на Иртыше», В. Р. Волков «Песня о родине», «Народный сказитель Улагашев» и «Смена растет», А. Н. Либеров «Над рекой» и «Сибирские дали», П. С. Мухин «Колхозная кузница», К. Н. Щекотов «Вечер на Оке»).

В первые послевоенные годы активно развивалась и омская художественная самодеятельность, центрами которой были заводские и фабричные клубы. Число их постоянно возрастало: только в период с 1947-го по 1952 г. было открыто 11 новых клубов. В 1949 г. в художественной самодеятельности участвовало 7 700 омичей, а в 1953 г. насчитывалось уже 30 тыс. самодеятельных певцов, танцоров, актеров. Постановки самодеятельных коллективов клубов им. З. И. Лобкова, «Металлист», по оценке общественности, находились на уровне профессиональных театров. Драматический самодеятельный коллектив Сибзавода осуществил на клубной сцене постановку таких спектаклей, как «Любовь Яровая» К. А. Тренева, «Разлом» Б. А. Лавренева, «Платон Кречет» А. В. Корнейчука.

Говоря о развитии культурно-просветительских учреждений, нельзя не упомянуть о библиотечном деле. В 1946 г. в Омске функционировало 46 библиотек, а в 1950 г. их было уже 128, причем 70 из них массовых, насчитывавших в своих фондах около 3 млн книг. Областная библиотека им. А. С. Пушкина располагала 355 455 томами. В отделе общественно-политической литературы главной библиотеки области было сосредоточено около 100 тыс. книг, из которых 10 тыс. томов являлись сочинениями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина. Годовой бюджет библиотеки в начале 1950-х гг. составлял около 700 тыс. руб., в 1953 г. на покупку новых книг было израсходовано свыше 200 тыс. руб. В том же году библиотека насчитывала 19 700 читателей. Активную работу с читателями проводили в эти годы районные и заводские библиотеки Омска.

Т. М. Минченко – скромный библиотекарь одной из 46 послевоенных библиотек Омска. Москвичка, эвакуированная с мужем – работником завода № 166. В библиотеку, располагавшуюся в одном из жилых домов Молотовского района, недалеко от заводов им. П. И. Баранова и машиностроительного, охотно приходили и заводчане, и жители округи.
Из частного архива

В послевоенные годы в Западной Сибири, как и по всей стране, проходят идеологические кампании, которые не миновали и музыкальное искусство. Они отразились на судьбах ряда сибирских композиторов, в том числе и тех, кто оказался здесь не по своей воле. Одним из них был Н. Г. Новожилов (1912–1967), имевший репутацию талантливого и разностороннего композитора и исполнителя. В марте 1942 г. Новожилову, выпускнику Ленинградской консерватории, разрешили эвакуироваться в Омск, где жила его тетка. Но попасть на поезд в Сибирь он не смог и приехал в Буденновск, где вскоре оказался в немецкой оккупации. В апреле 1943 г. гитлеровцы интернировали Новожилова на Украину, где он стал дирижером театра оперы и оперетты в Кривом Роге. В сентябре 1943 г. вывезенного в Германию Новожилова направили консультантом объединения русских артистов «Винета» в Берлине. После окончания войны Новожилов прошел фильтрационные лагеря Наркомата внутренних дел, но был освобожден: ему не было предъявлено политических обвинений. Но на всю жизнь на нем осталось клеймо человека, работавшего на немцев. Приехав в Омск (в Ленинграде ему остаться не разрешили), музыкант начал работать в местной филармонии,

организовав струнный квартет из высококвалифицированных музыкантов, который 14 лет исполнял камерные произведения. Новожилов печатал музыкально-критические статьи в «Омской правде», писал музыку для театров, радио, принимал участие в создании Омского театра музыкальной комедии, работал в нем дирижером, но 1 марта 1947 г. был уволен по странной причине: «увеличение загрузки по филармонии». Очевидно, сыграла роль «политическая неблагонадежность» музыканта.

В целом музыкальное искусство в послевоенные годы в Сибири было не столь развито, как, например, изобразительное искусство или театр. В качестве положительных моментов в развитии музыкальной культуры послевоенного времени можно отметить расширение художественной самодеятельности, создание на профессиональной основе русских народных хоров. Тяга к народной песне удачно согласовывалась с официальной кампанией борьбы с «иностраницей». Не остались в стороне от возрождения хоровых традиций и сибиряки: в Новосибирске и Омске были созданы народные хоры. Большой популярностью пользовались выступления Омского русского народного хора, созданного осенью 1950 г. на волне послевоенного патриотического подъема. Художественным руководителем хора стала замечательный энтузиаст и педагог Е. В. Калугина (1902–1962). Ею и ее помощниками И. Т. Ивановой, Я. А. Коломейским, Н. Ф. Чернаковым и другими была проделана громадная работа по собиранию и пропаганде русской народной песни. Большую помощь в этом ей оказывали краеведы М. Е. Бударин, И. С. Коровкин и А. Ф. Палашенков, многие народные песенники, «открытые» в ходе фольклорных экспедиций хора в селах и деревнях Омского Прииртышья.

Русские народные хоры способствовали выдвижению на профессиональную сцену самобытных талантов из сибирской глубинки. В Омском хоре раскрылся талант выдающейся исполнительницы русских народных песен А. М. Оленичевой, которая в последующие годы стала знаменита и как сочинительница песен. Сборники песен Аграфены Оленичевой в обработке известных композиторов неоднократно издавались в Москве, а сами песни исполнялись русскими народными хорами различных регионов нашей страны. Во многом именно благодаря песням Груни Оленичевой Омский хор стал одним из признанных хоровых коллективов страны.

Взаимоотношения власти и прессы в провинции в 1945–1953 гг. изучены достаточно слабо, но значимость этой темы несомненна. Положение прессы и журналистов в период «послевоенного сталинизма» было сложным. Говорить о какой-либо независимости печати в эти годы просто не приходится. Любое отступление от общепринятых стандартов взаимоотношения с властью могло привести журналиста к увольнению из газеты.

Вот одна из таких историй, отраженная в мемуарах Л. В. Шевчука (1993–2001). Леонид Васильевич в 1952 г. заведовал отделом литературы и искусства газеты «Молодой сталинец» (так в те годы назывался «Молодой сибиряк»), где работал выпускник ветеринарного института, член КПСС (что было решающим фактором при устройстве в редакцию) Эдуард Брижатюк. Вдохновленные словами председателя Совета министров СССР Г. М. Маленкова о том, что «нам нужны свои Гоголи и Щедрины», молодые журналисты решили в преддверии областной конференции ВЛКСМ подготовить «острый» материал. Узнав, что в Сибирском автомобильно-дорожном институте есть один «неисправимый» студент, Э. Брижатюк встретился с его сокурсниками. Оказалось, что Арнольд Владимиров, сын заместителя начальника управления Министерства внутренних дел по Омской области, регулярно устраивал драки и попойки, воровал, сдавал чужие чертежи, выдавая их за свои. За все эти неблагоприятные дела его исключили из комсомола, отчислили из вуза, но затем, после нескольких звонков влиятельного отца, Центральный райком ВЛКСМ не утвердил решения первичной комсомольской организации, а дирекция института снова зачислила Владимирова в число студентов, и он продолжал вести себя по-прежнему.

После встречи с Э. Брижатюком студенты написали письмо в редакцию газеты «Молодой сталинец» с подробным изложением всех фактов. Редакционное начальство одобрило письмо студентов. Материал под заголовком «Неисправимый Арнольд Владимиров» был опубликован 26 ноября 1952 г. Через несколько дней Э. Брижатюк был арестован. Чтобы отвести подозрение в расправе за публикацию письма студентов, его обвинили, во-первых, в «клевете на советскую науку и выдающегося ее представителя Т. Д. Лысенко» (Брижатюк еще во время учебы в институте заметил, что Лысенко «больше теоретик, чем практик», т. е. «принизил» роль «народного академика»). Во-вторых, участник Великой Отечественной войны, он, оказывается, «принизил» и советскую боевую технику, когда делился впечатлениями о кинофильме «Третий удар». Эдуард Брижатюк был осужден за эти «преступления» по статье 58-10 на десять лет лишения свободы. Правда, был реабилитирован в середине 1950-х гг.

Таким образом, в первые послевоенные годы наблюдается восстановление и развитие учреждений науки, образования и культуры. Партийные органы оказывали существенную помощь в функционировании этих учреждений, но одновременно осуществляли жесткий идеологический и кадровый контроль. Проходили идеологические проработки и кампании, а в ряде случаев осуществлялись и репрессивные мероприятия. Последующие годы – период «оттепели» – дали новый импульс социально-экономическому и культурному развитию города.